

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Даниила Аксенова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

АРЕС

АРЕС. ГЕРОИ УМИРАЮТ ДВАЖДЫ

**САМОЗВАНЕЦ
ПОБЕДИТЕЛЬ
РЕФОРМАТОР
ТЕХНОКРАТ**





Даниил АКСЕНОВ

АРЕС.
ГЕРОИ УМИРАЮТ ДВАЖДЫ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А42

Серия основана в 2004 году
Выпуск 386

Художник
М. Поповский

Аксенов Д. П.
А42 Арес. Герои умирают дважды: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 379 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1024-8

Его зовут Виктор Антипов, и он жрец бога войны. Ему нелегко приходится в новом мире, где могущественные феодалы сражаются друг с другом под чутким присмотром демонов. Выдержав первые испытания, обзаведясь друзьями, Виктор подходит к важнейшей вехе жизни: попытке стать магом. Попытка проваливается, несмотря на мощь покровителей. Друзья Виктора считают, что это не было случайностью, что у него есть тайный враг, который извратил ритуал и вместо способности к магии дал нечто другое.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1024-8

© Аксенов Д. П., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

В просторном светлом зале, где белые стены были увешаны гобеленами с изображением дуэлей и жестоких сражений, стоял огромный серый каменный алтарь. На нем не приносились жертвы, а дымились безобидные благовония, дым от которых шел к потолку, расписанному еще более жестокими сражениями.

Виктор, одетый в серебристую хламиду, с задумчивым и многозначительным выражением лица слегка опирался на этот алтарь. Его взор, наполненный благочестием, был устремлен наверх, туда, где какой-то герой самым изуверским образом с помощью тупого трезубца убивал страшного змея. Кровь лилась рекой. Она даже иногда мелкими крупинками падала с потолка и вызывала бурю эмоций в смиренной душе верховного жреца.

«Этот пакостник Рикста опять чем-то разбавил краску, когда дорисовывал ручьи крови, — с негодованием думал Виктор. — Мне-то, допустим, все равно, пусть кровь хоть совсем облезет, но тогда обнажатся лютики, которые там были намалеваны прежде... И что будет, если Арес заметит? Он же, наоборот, просил побольше крови. Вон на всех гобеленах воины стоят в ней по колено. Рикста — молодец, натурально испортил картины, но что, ему краски не хватило? Или он опять все проиграл трактирщику? А я ведь говорил: никогда не играй честно с жуликами, да и вообще не играй честно. Нужно будет его научить. Правда, не знаю, в какую именно игру он проигрывает, но не беда. Даже в шахматах можно жульничать. Ведь придумал же кто-то ход «через битое поле»! Представляю, что сказал его соперник, когда увидел этот ход в первый раз...»

Такими мыслями Виктор старательно отвлекал себя от происходящего в зале действия. А оно было прелюбопытным для всех, с ним не знакомых.

Чуть сбоку от алтаря в небольшом углублении располагалась гипсовая статуя бородатого могучего мужчины с обнаженным торсом. Ее окутывало легкое золотистое сияние, подрагивающее и мерцающее. Перед статуей на коленях стоял десятник Ереа. Его и без того небольшое морщинистое лицо как-то сжалось, скукожилось, а в глазах застыла тоска, которой не могли скрыть пряди седоватых волос, свисающих со лба. Десятник был одним из защитников замка, недавно завоеванного бароном ан-Орреантом. Ереа сдался на милость победителя и сейчас приводился к присяге новому и истинному хозяину этих мест.

Десятник внимал глубокому, хорошо поставленному голосу, доносящемуся от статуи и способному напугать всех, кто мог его слышать, кроме тех, кто слышал подобные речи уже столько раз, что теперь думал о краске, шахматах и прочей ерунде, чтобы не упасть прямо перед алтарем в приступе богатырского сна.

— И твоя участь была бы незавидной, не пойдешь ты под руку ан-Орреанта и не прими истинной веры! — громыхал голос. — Я вижу будущее! Твое будущее! Оно плачевно, и только правильные поступки смогут что-то изменить!

В этом месте Виктор спохватился и подал десятнику заранее оговоренный знак. Дескать, уже можно спрашивать. На этом знаке настоял Арес.

— Общение с народом должно проходить в форме диалога, — говорил он. — Так легче запоминается и производится впечатление того, что человек сам кует свою судьбу, сам принимает решения. Конечно, самостоятельность — недостаток для воина, но на первое время нужно потакать и недостаткам. Мы им потом все припомним.

Виктор пока ничего и никому не хотел припоминать, но как подневольный человек послушаться не мог. Зато он был способен произвести благоприятное впечатление на суровых воинов, приносящих клятву, тем, что говорил им так: «Конечно, Арес — жесток и скор на расправу, но я на вашей стороне. Следите за мной — если я подам знак, то дело не так

плохо, как кажется. Можно обращаться с вопросами и просьбами! Ловите момент!» — И после этого обряда количество искренних и благодарных друзей у отзывчивого жреца ожидаемо возрастало.

— О великий господин! — Десятник правильно понял наставления Виктора и сейчас говорил глухим скрипучим голосом. — Нельзя ли мне... в милосердии своем... поведати... о моем будущем...

Верховный жрец подавил вздох. Они все, абсолютно все спрашивали о будущем! Почему-то считали, что прошлое им известно. А ведь это не так! Вот взять хотя бы Ереа. У него есть жена, пышная дебелистая тетка, которая изменяла ему с покойным сотником, о чем бедный рогоносец даже не подозревал. Ереа в присутствии Виктора хвалил эту самую жену и жаловался на то, что, несмотря на ее экономию, в доме нет денег, а ведь нужно кормить многочисленных детей. Верховный жрец удивлялся наивности десятника. Конечно, в доме не будет денег, если жена почти каждый год снаряжает из семейных средств какого-нибудь своего дальнего родственника, покупает ему доспехи, оружие и хлопочет, чтобы покойный барон принял его в дружину. Родственники появлялись внезапно, неожиданно для жены десятника и для них самих. И были все как на подбор молодыми красивыми парнями со светлыми волосами. Наверное, только по этим признакам женщина узнавала в них родственников. Потом парень зачислялся в дружину, жена рожала очередного ребенка — и все начиналось сначала. Виктор не мог взять толк — почему такое замечательное и увлекательное прошлое нисколько не интересует Ереа?

Верховный жрец навел справки по поводу всех кандидатов на то, чтобы принести присягу Аресу. Тут был обычный расчет — об Аресе никто из посторонних не должен знать, иначе Зентел и компания сметут бога, начавшего только-только обустроиваться в этом мире. Если человек не внушал доверия, Виктор говорил об этом барону ан-Орреанту или магу. Те принимали меры.

— У тебя нет будущего! — громыхал голос. — Нет, если ты отвернешься от барона ан-Орреанта! Твоя жизнь станет

ничтожной, и только после смерти ты принесешь пользу людям!

Виктор наконец почувствовал интерес. В своих угрозах Арес никогда не повторялся. Казалось бы, что может испугать повидавших виды закаленных в боях пленных воинов? Но поди-ка — Арес находил нужные слова. Вот что значит опыт тысячелетий.

— Принесу пользу после смерти? — робко спросил десятник, зашарив мозолистыми руками по гладкому полу.

— Да! — Грохот стал почти нестерпимым. — Ты умрешь зимой, в лютой мороз! Тебе распорют брюхо и выпустят все кишки. Но добрые люди не пройдут мимо. Они воткнут тебя, еще живого, вниз головой в сугроб на перекрестке дорог, и твои задубевшие ноги до самого конца зимы будут указывать правильный путь. Послужишь человечеству.

Виктору оставалось лишь восхищаться. Такого даже он не смог бы придумать. В отношении смертей Арес выказывал невероятные знания.

— Но... как же... ведь... — забормотал Ереа, глядя на статую остекленевшими глазами.

Возможно, он хотел сказать, что здесь снег бывает редко, а лютые зимы вообще не встречаются, что он, десятник, совсем не собирается ехать на север, что теперь-то он никогда... что уже ни за какие деньги... да вообще и в мыслях...

— А если ты останешься верным, то умрешь в старости и почете. Дети проводят твое тело (по мнению Виктора, тут Арес явно загнул: ведь если из количества детей вычтешь число снаряженных «родственников», то выходило, что у десятника лишь одна родная дочь), а я приму душу.

Ереа захрипел еще что-то, но статуя вдруг полыхнула яркой вспышкой.

— Жрец, мы тут не одни! — Неопытному человеку показалось бы, что голос Ареса не изменился, но Виктор четко уловил раздражение.

— Десятник, тебе пора. — Роскошная мантия зацепилась за алтарь, и Антипов поправил ее привычным движением.

— Но... как же...

— В другой раз, десятник, в другой раз... — Виктор под-

нял Ереа с пола и начал легонько подталкивать к двери. — Поторопись.

Растерянный воин был настолько деморализован, что покорно вышел.

— Почему не одни, Арес?

Антипов плотно захлопнул тяжелую дверь и обернулся к статуе.

Но бог войны не стал отвечать. Вместо этого от дальней стены, как раз от того места, где висел гобелен с изображением огромного рогатого чудовища, насмерть проткнутого булавкой, принадлежащей карлику-герою, отделилась полупрозрачная фигура.

Она тоже была золотистой и тоже мерцала. Казалось, что обе сияющие сферы появились из одного инкубатора, но когда Арес вышел из статуи, то стала ясна разница. Бог войны был бородат, крепок и вообще походил на свое изображение. Зато другой выглядел худощавым, с острым хитрым лицом и крючковатым носом. Его губы вроде бы не улыбались, но тем не менее создавалось впечатление вечной потаенной усмешки. Это был Кеаль, бог вреда и обмана, которого Виктор в свое время окрестил Локи.

Антипов был даже рад гостю, в отличие от недовольного Ареса. Кеаль шел к своей цели извилистым и безопасным путем, что так хорошо соответствовало устремлениям молодого человека. Однако по прихоти судьбы Виктор стал воином, верховным жрецом прямолинейного и безжалостного бога войны. Судьба часто дает людям не то, чего они хотят, а то, что могут взять.

— Возлюбленный брат мой, — начал Кеаль, глядя на Ареса с нежной и печальной улыбкой, — как я счастлив, что могу лицезреть твою мужественную статью, обнаженный торс, словно случайно выставленный напоказ, могучие руки, призванные крушить, ломать, рубить и...

— Душить, — подсказал Арес.

— Душить?.. Да! Душить наших общих врагов! — с воодушевлением подхватил Кеаль. — Нас ведь в этом мире только двое, возлюбленный брат. Двое истинных богов. И я так рад, что ты, такой великий и сильный, с таким горящим

пламенем взглядом, проникнутым ненавистью к кому-то (кстати, к кому?), на моей стороне.

— Что тебя сюда принесло? — Арес сдвинул брови и прищурил глаза так, словно прикидывал, в какое место нанести удар по разговорчивому гостю. — Я ведь уже сказал, чтобы ты держался подальше. Хочешь быть возлюбленным братом? Будь! Ты им станешь в тот момент, когда никто, ни одна живая душа, ни один предмет не напомнят мне о тебе. Погрузись в пучину вод, залезь в мелкую ракушку на дне морском — и я сразу назову тебя братом. Но с условием, если ты там останешься навечно.

Светлая печаль на лице Кеаля усилилась. Он повернулся к Виктору с видом мученика, страдающего за правое дело.

— Брат мой отрекается от меня, добрый Ролт. — В голосе бога обмана прорезалась скорбь. — А я ведь ежедневно тружусь аки пчела, чтобы поправить наш скудный быт. Улаживаю неприятности, пресекаю слухи, подсматриваю, подслушиваю, вешаю кошек, ловлю дезертиров...

— Каких еще кошек? — с подозрением осведомился Арес.

— Каких кошек, возлюбленный брат? — Кеаль начал качать головой с явным укором. — А кто позволил сбежать из плена сотнику? Кто не допросил его и даже не посмотрел на него? А ведь он прихватил с собой золото своего барона, которое заранее спрятал в укромном месте. Но это еще ничего. А главное — сотник что-то заподозрил о тебе. Да если бы он вырвался, то уже через неделю здесь были бы жрецы Зентела и, возможно, других лжебогов во главе армии. Скажешь, что отбился бы, возлюбленный брат? Рановато тебе еще с армиями демонов тягаться.

— Этот сотник умер, мы выследили его и нашли только тело. Разбойники постарались.

— Разбойники? — Кеаль расхохотался. — Да если бы не кошка, которую я повесил, не было бы никаких разбойников.

— Ты бредишь. — Арес демонстративно отвернулся.

— Брежу? Он говорит, что брежу, добрый Ролт! Этот сотник пробирался через лес и уже на третий день был бы в

парреанском храме Зентела, если бы не решил переночевать на дереве около дороги. Он удачно забрался — его даже вблизи не было видно, и так бы ушел, если бы я не достал из его мешка золотую статуэтку кошки и не повесил ее на тесемке так, что она была заметна со стороны тракта. Конечно, ее блеск увидели. Конечно, смекнули, что если из мешка выпала кошка, то там еще есть кое-что. Конечно, сотник проснулся, вступил в бой, но тех было больше.

Арес медленно повернулся к говорящему и смерил его пренебрежительным взглядом с головы до ног. Бог войны не стал спрашивать, почему Кеаль пошел таким сложным путем и просто сам не прикончил сотника. Бог вреда и обмана не мог этого сделать никак. Вот если бы убийство сотника было частью шутки или виртуозной интриги — тогда да. Ведь Кеаль фактически не может выйти за рамки отведенной ему функции. Как и сам Арес. Демоны могут делать что угодно, а боги только то, что обязаны.

— Избавился от сотника — и хорошо. — Тон Ареса несколько не изменился. — Ты это не только для меня сделал, но и для себя. Так чего хочешь? Зачем пришел?

— Хе-хе, — Кеаль изобразил то ли смешок, то ли усмешку. — Попрощаться пришел, возлюбленный брат мой. Несмотря на мои труды, скоро тебе, а потом и мне придет конец. Предполагаю, что в течение двух месяцев Зентел узнает о нас. И наведается сначала сюда, а потом и в Равану, которую ты почему-то называешь Олимпом.

Виктор тут же встревожился. Ему было слегка неуютно рядом с двумя полупрозрачными фигурами, но слова Кеаля заставили забыть об этом. Антипов прибыл в этот мир, где правят демоны, стараниями Ареса. Зентел, якобы бог виноделия, контролирующий это королевство, узнал о чужаках, но пока не сумел их выследить. Арес же, заручившись поддержкой местного барона ан-Орреанта, развернул активную деятельность. Барон по приказу нового бога взял штурмом два соседних замка, и сражения придали Аресу сил. Но он был все еще далек от того, чтобы противостоять Зентелу в открытом бою. Поэтому бог войны находился на полуподпольном положении. О нем были осведомлены лишь изб-

ранные. Раскрытие тайны вело бы к неминуемой смерти всех участников.

— Почему два месяца? — спросил Арес. — Я рассчитывал на большее.

Кеаль дотронулся до своего золотистого носа. Виктор знал, что бог на земле может быть в двух формах. Либо в этой, безобидной, незаконченной, либо в телесной. Но последняя отнимала больше сил и времени: ведь тело нужно было изготовить. Это Зентел с приспешниками беззащитно пользовались чужими, а Кеаль и Арес трудились, используя глину или землю.

— Возлюбленный брат мой, ты серьезно полагаешь, что, нападая на замки соседей, останешься в тени? Это же вопрос времени. Или хочешь ограничиться тремя баронствами? Тогда конечно. У тебя будет полгода, но закончится приток сил! Тебя ведь питают бои, не так ли? Или колодцы, как, например, наш добрый Ролт. Но он у тебя один. У меня, кстати, тоже один, такое вот совпадение. И я бы им не стал рисковать без срочной нужды. Итак, два месяца. Я знаю, ты готовишь еще нападение. Поэтому — два месяца.

Виктор был очень рад, что хоть кто-то здесь решил позаботиться о его здоровье. Дома, конечно, этим занимались родственники, передовая медицина, отважные органы правопорядка или хотя бы телевизор, льстиво рассказывающий о передовой медицине или доблестной полиции, если ни одно, ни другое реально не работало. А здесь, получается, был лишь один сочувствующий, да и тот бог обмана. Звучит весьма иронично.

Зато лицо Ареса осталось спокойным. Виктор давно проникся его философией — долг важнее жизни бога и гораздо важнее жизней людей, даже если люди так не считают.

— Ты пришел с предложениями? — спросил Арес. — Я знаю твою породу. Ты сгущаешь краски, чтобы продать свою картину подороже. Говори, чего надо.

— Хе-хе... Мой возлюбленный брат, как обычно, проницателен. Конечно, все можно отсрочить. Для этого нужен пустяк... даже пустячок... безделица...

Кеаль сделал драматическую паузу, но бог войны не выказал нетерпения. Он взирал на собеседника с видимым не-

доверием, словно говоря: «Я понимаю, что мы в одной лодке, но я гребу, а ты забрался мне на плечи и утверждаешь, что стал парусом».

— Нужно убить Зентела! — выпалил Кеаль, так и не дождавшись никакой реакции.

— Продолжай, — медленно произнес Арес.

Черты его лицо слегка смягчились. Виктор уже давно заметил, что любое упоминание смертоубийства улучшает настроение бога войны.

— Если Зентел умрет так, как надо, то я смогу внести смуту в ряды демонов. — Глаза Кеаля засверкали в предвкушении столь замечательного происшествия. — У него ведь есть и противники, и союзники. Я свалю убийство кое на кого — и не пройдет и пары недель, как вся эта свора вцепится друг другу в глотки. И тогда-то ничто не остановит ни тебя, ни меня! Это будет легко, если все сделать правильно. В среде демонов, тех, кто ничего не получил при разделе могущества после гибели богов, у меня еще осталось немало друзей. Смерть Зентела позволит использовать даже их.

Арес заскользил по шлифованному каменному полу. Его фигура отбрасывала скудную тень на серые с черными прожилками плиты. Хотя полуденное солнце старалось всюду: лучи проникали через узкое окно крепости и играли в пятнашки, перескакивая от пола к блестящей мантии Виктора и обратно.

Бог войны подошел к Кеалю почти вплотную. Борода на грозном лице слегка встопорщилась, а глаза смотрели цепко.

— И как его нужно убить, чтобы все получилось? — Вопрос был задан подчеркнуто неспешно.

— С помощью нашего друга — доброго Ролта, — широко улыбнулся Кеаль.

Виктор поперхнулся. Он покраснел, его глаза выпучились, грудь скрутил кашель, и было непонятно, чем все это вызвано — случаем или возмущением вкупе с разочарованием от жестокого обмана Кеаля.

— Да я... я не смогу! Разве я смогу убить бога?! — Антипов заговорил с трудом, запинаясь, пытаясь изо всех сил избавиться от новой и самоубийственной работенки. — Ну, не

бога, а полубога! Тьфу, что я говорю... Даже демона не смогу убить!

Арес смерил внимательным взглядом своего жреца и вновь обернулся к Кеалю.

— Он не сможет, — вынес вердикт бог войны. — Из людей только герой, маг или праведник могут убить демона. Героём Ролту не стать — им нужно родиться, магических способностей у Ролта нет, а праведника из него не выйдет при всем старании. Он слишком хитер, чтобы отказывать себе в удовольствиях и укрощать плоть. Наверняка попытается найти лазейку в какой-нибудь догме. На этом все хитрецы погорели. Нет, хитрость и праведность — несовместимы.

Виктор, затаив дыхание, слушал речь Ареса, решающего его судьбу.

— Да кто же говорит, что Ролт должен убивать? — Кеаль улыбнулся еще шире, хотя прежде казалось, что это невозможно. — Ты убьешь, ты. А Ролт поможет. Проведет тебя.

В глазах Ареса мелькнуло понимание. Боги, конечно, могли почти мгновенно перемещаться на большие расстояния, но с некоторыми ограничениями. Во-первых, строго по энергетическим каналам, которых было множество у поверхности планеты, но все же не настолько много, чтобы охватывать все пространство. Во-вторых, с помощью собственных статуй. И если последний способ был самым быстрым, то перемещение по каналам требовало создания хоть какого-то тела. Бог моментально оказывался в нужной точке, но был совершенно беспомощен, а потому строил свою плоть из подручных материалов, если под рукой не было статуи, которую можно оживить.

Никто не знал, где находится Зентел и сколько пробудет там. Чтобы нанести толковый удар, требовался осведомленный проводник. И на роль этого проводника Кеаль предлагал Виктора.

— Но... я что, должен идти к Зентелу?! Сам?! Добровольно?! — Антипов был не согласен и с такой постановкой вопроса.

Но Арес решительным жестом прервал возражения:

— Подожди. Кеаль, а как я убью Зентела? Быстро ведь не

получится, я сейчас не так силен, как прежде. Все сбегутся, вести разлетятся повсюду... нет, это плохой план.

— Хе-хе... Ты все-таки не ценишь меня, возлюбленный брат. Мои планы идеальны. Они срабатывают всегда, если касаются той самой свиньи, которая подкладывается ближнему, как однажды высказался Ролт. Конечно, ты не пойдешь на Зентела с голыми руками. Битва затянется, он еще улизнуть может... Нет! Ты возьмешь меч! Меч героя, с которым тот в свое время пошел против богов. Вот выход!

Виктор едва поверил своим глазам: Арес улыбнулся. Улыбнулся словам Кеаля!

— Я все понял. — Голос бога войны обрел невиданную глубину. — Мой жрец подбирается к Зентелу поближе, втирается в доверие к его жрецам... он это может, я знаю, хотя и не одобряю... но какая война без шпионов? Потом ждет удобного момента, дает мне знать, где находится Зентел, и... ты уже достал меч, Кеаль? Даже если тебе не удастся затеять свару, я буду спокоен — хоть один выскочка получит сполна.

— Еще не достал, — с сожалением вздохнул бог обмана. — Меч находится у графини Ласаны ан-Мереа. Отлично охраняется, выкрасть его тяжело, к тому же там полно магов. Но есть и хорошие новости. Графиня скоро устраивает турнир. Неофициально — ищет себе жениха, но официальный приз — этот меч. И вот что думаю: если послать туда ловкого малого, который одинаково хорошо владеет как оружием, так и острым словом, который быстр в своих мыслях, чужд ненужных колебаний, хитер без меры, — то он сумеет добыть меч. Честно или нечестно — все равно.

Виктор закрыл лицо руками. Он уже понял, что будет дальше. И — угадал. Оба бога медленно повернули головы и уставились на жреца в серебристой мантии. Если бы Антипов подсматривал в щель между пальцами, то увидел бы, как на лицах богов расцветают улыбки. Подходящий человек у них был, несмотря на «скудный быт» и недостаток сил. Положение ухудшалось тем, что барон ан-Орреант, хозяин замка, весь извелся, мечтая наложить руку на графство, и тоже всерьез рассматривал кандидатуру Ролта для отправки на тот турнир. А это значит, что честный способ получе-

ния меча предпочтительнее нечестного. Судьба явно поворачивалась к Виктору спиной, показывая прореху на штанах, спереди роскошных.

Однако Антипов был не таков, чтобы позволить чужой воле влиять на него безнаказанно или, по крайней мере, без достойной оплаты. Он всегда считал, что его труд — вещь очень ценная. Кому-то нужно, чтобы он поработал? Пожалуйста. Но придется раскошелиться. Виктор уже не видел особой разницы между, допустим, Аресом и обыкновенным руководителем из прежнего мира. Антипов полагал, что могущественное начальство всех времен и народов — близнецы-братья. Министры, цари, короли, боги — отличие лишь в названиях и именах. Достаточно прочесть одну историю о руководителе, идущем к еще большей власти, — и можно считать, что прочитал их все.

— Мне понадобится помощь, — сказал он, переводя взгляд с Ареса на Кеаля. — И лучше, если эта помощь будет исходить от меня.

Боги молчали, ожидая объяснения.

— Я предлагаю сделать меня магом! — произнес Виктор без всякого стеснения. — А что? Это отличная мысль! Больше уважения на турнире, проще попасть в храмовую стражу... Я не знаю, могут ли маги принимать участие в самом турнире, но ведь можно что-нибудь придумать! В конце концов, нужен лишь меч.

Антипов давно уже мечтал о Длани и новых связанных с нею ощущениях. Кто он? Жрец одного из двух настоящих богов, доверенное лицо барона, источник энергии для Кеаля... короче говоря, никто, если убрать могущественных покровителей. Пришло время проявить здоровое честолюбие и превратиться в самостоятельную единицу.

— Возможно, — задумчиво произнес Арес.

— Маги имеют право принимать участие в состязаниях, но для этого им нужно носить ресстр, чтобы загнать собственную Длань внутрь тела. Приятного в этом мало. Выдержишь ли, Ролт? — поинтересовался Кеаль с хитрой улыбкой.

— Конечно, — уверенно ответил Виктор. — Я привык к неприятностям.

ГЛАВА 2

Утро вызывает разные желания, в отличие от ночи, когда желаний всего два: заснуть или побороться со сном. Виктор проснулся в самом радужном настроении. Энергия в сочетании с нетерпением бурлили полноводной рекой в его молодом теле. Антипову хотелось вскочить, прыгать, бежать, делать хоть что-то — все равно что. Его даже не пугали зловещие намеки на необходимость вытерпеть чего-то там, переждать или выдержать. Виктор теперь был почти уверен, что вытерпит, переждет и выдержит, а если будет совсем невыносимо, то схитрит. Будущие возможные неприятности казались мелочью по сравнению с главным: он станет магом!

Наш герой открыл глаза и почувствовал, как его захватывает ожидание свежих событий. Это было невыносимо приятное ощущение, такое же, какое он испытывал в возрасте лет шести. Тогда Виктор впервые в своей жизни собирался на рыбалку. Отец обещал ему реку, удочку и даже лодку с мотором! Антипов все утро был на подъеме. А когда он выскочил из машины рядом с причалом и речной свежий ветер бросился навстречу, заключая в объятия, Виктор чуть не умер от предвкушения счастья.

Кандидат в маги вскочил с кровати и бросил взгляд в окно комнаты замка. Солнце сияло всюду, освещая даже закутки между дубовыми ножками стола и серой стеной. Виктор сначала не понял, что его насторожило в этом буйстве лучей и света, но потом спохватился, и счастливое выражение вмиг сменилось тревожным.

Не далее как два дня назад Арес и Кеаль окончательно решили помочь своему верному последователю и одарить его Дланью мага, чтобы облегчить карьерный рост у Зентела (как сказал Кеаль, карьерист с Дланью — это совсем не то же самое, что карьерист без Длани). Боги посоветовались и назначили встречу на сегодня. Сразу после восхода.

«Я проспал. Господин Обломов! — с ужасом подумал Виктор. — Что же будет?! Они меня наверняка ждали! Кеаль — ладно, он выглядит добродушным, но Арес-то, Арес! Где Рикста? Почему он не разбудил?!»

Слуги в комнате не было, и Антипов принялся лихорадочно натягивать на себя одежду, включая модную черную куртку, такую узкую, что она налезала с трудом. Подпрыгивая на одной ноге, силясь надеть новые кожаные башмаки (по скорости надевания они были предпочтительнее сапог), Виктор устремился к двери. Он уже ухватился за железную ручку, как вдруг раздался осторожный стук.

«Рикста! — подумал Антипов. — Ну, сейчас я ему задам! Где он шлялся?!»

Дверь распахнулась, и в проеме, к удивлению незадачливого будущего мага, возник Кушарь, отец погибшего лесоруба Ролта, телом которого Виктор столь беззастенчиво пользовался.

— Что случилось? — быстро спросил молодой человек, глядя на встревоженное бородатое лицо. — Где Рикста? Отец, прости, но я очень спешу.

Виктор, задавая оба вопроса, не собирался получать на них ответов. Он обогнул фигуру Кушаря и уже бросился было бежать по коридору, даже сделал два прыжка, как был остановлен убийственной фразой:

— Рикста в тюрьме, Ролт. Он просил меня прийти, чтобы сказать тебе, что господин барон вот-вот собирается его прибить.

— Что? — Антипов мгновенно остановился, едва не потеряв равновесие. — Почему?

Кушарь развел руками, словно пытаясь выразить свое отношение к истории:

— Рикста мне сказал, что крепко выпил прошлым вечером. Пьяным... он пошел к дочери барона, чтобы... гм... поговорить. Мареса подумала, что он хочет сообщить что-то важное, и впустила его. Рикста этого не понял... или так набрался, что решил, будто он в своей комнате... короче, твой слуга, Ролт, снял с себя штаны в присутствии баронской дочки. Мареса закричала и принялась его выталкивать наружу пинками. Барон прибежал на шум и увидел Риксту без штанов валяющимся в дверном проеме и цепляющимся за ночную рубашку дочери.

— Ешкин кот! — емко выразился Виктор на непонятном Кушарю диалекте.

Однако Антипов недооценил догадливости отца Ролта:

— Да! — подтвердил тот. — Теперь Рикста умоляет тебя спасти его. Придумать что-то!

— Да что тут можно придумать?! — вскричал Антипов, который разрывался между желанием бежать на встречу с Аресом и Кеалем и долгом по отношению к слуге. — Это ведь ужасно! Что говорит барон?

— Что сначала вздернет Риксту на дыбу, а потом сбросит со стены замка. Если Рикста выживет, то так тому и быть, — философски ответил Кушарь. — Господин барон собирается начать вскоре. Рикста отчаялся, он не может ничего объяснить.

Виктор с тоской понял, что и без того припозднившаяся встреча с начальством откладывается. Верного, но беспутного Риксту было жаль, следовало что-то сделать. Но что? Ситуация говорила сама за себя. Хуже всего, что барон лично видел живописную сцену. Если бы ему кто-нибудь рассказал, тогда оставалась бы еще надежда опровергнуть, а так... Антипов подумал было, что Риксте конец, хотя, конечно, можно обратиться за помощью к Кеалю, чтобы тот облегчил полет со стены. Но Кеаль с его странным чувством юмора — фактор непредсказуемый. Арес же пальцем о палец не ударит ради такого позорного происшествия. Виктор взял себя в руки и сосредоточился.

— Барон говорил сегодня с Маресой? — быстро спросил он.

— Не знаю... зачем? — удивился Кушарь.

— Допустим, не говорил. Понадеемся на лучшее, — ответил Виктор. — Я тогда сам с ней поговорю. А ты пойдешь к Риксте и заведи у него пояс.

— Пояс? Для чего? — Отец Ролта вытаращил глаза, отчего стали видны красные бессонные прожилки.

— Дело было так... — Виктор набрал в легкие побольше воздуха. — Рикста вчера действительно напился, да настолько сильно, что потерял пояс. Возвращаясь домой, он пару раз чуть не упал с лестницы и решил снять спадающие штаны, чтобы не покалечиться. Оперся о какую-то дверь и почти успел снять эти проклятые штаны, как внезапно дверь распахнулась, и Рикста ввалился в комнату Маресы. Марес-

са в крик, барон прибежал одним из первых и увидел моего слугу без штанов, вцепившегося в ночную сорочку баронской дочери. А ведь Рикста ничего не хотел плохого! Он просто упал!

— О! — только и успел сказать Кушарь, как Виктор понесся по коридору замка.

План нашего героя был прост: он забегает к Маресе, по-быстрому спрашивает ее пересмотреть мнение о ночном происшествии, а потом прибывает в точку randevu с разгневанным Аресом и саркастичным Кеалем. Они, конечно, повозмущаются, но сильно наказывать верного адепта не станут — в крайнем случае перенесут ритуал. Все обойдется, и Рикста будет спасен.

Полный таких оптимистичных размышлений и все еще надеясь на возможность стать магом, неунывающий Виктор даже слегка улыбнулся на бегу, вписываясь в крутой поворот. Улыбнулся и, к своему удивлению, едва не врезался в неожиданную преграду — старика в серой мантии.

— Простите. — Антипов гордился своей вежливостью, несмотря на то, что стараниями барона стал полноценным дворянином. — Я...

— Вот ты где, Ролт. — Маг ун-Катор всплеснул тонкими морщинистыми руками. — Скорее, скорее, иди за мной!

— Но... — Голова Виктора произвольно повернулась совсем в другую сторону, туда, где находилась дверь в комнату Маресы.

— Скорее, Ролт! Кеаль тебя еще ждет, а Арес сказал, что его нужно позвать, когда ты придешь. И помни о том, что я тебе объяснял вчера.

Маг мягко, но цепко взял Антипова за рукав и потянул за собой. Виктор попытался дернуться, но хватке ун-Катора позавидовал бы чистокровный бульдог.

— Быстрее, быстрее! Ролт, да что с тобой? Торопись!

Сопровождаемый подобными напутствиями, теперь уже хмурый будущий маг, терзаемый переживаниями за судьбу Риксты, вошел в «темный зал» замка. Это помещение называлось так по простой причине: в нем не было окон. Зал обычно освещался факелами, но сейчас десятки, а то и сотни длинных желтых свечей покоились на выступах стен.

Подрагивающее пламя не было ярким, но позволяло отчетливо разглядеть большую белую пентаграмму на полу, вписанную в круг, и одинокую полупрозрачную фигуру Кеаля, замершую в углу словно паук, поджидающий жертву.

— Наконец пришел виновник торжества. — Бог обмана приветствовал появление Виктора ироническим замечанием. — Что ж, теперь подождем Ареса.

— Глубоко извиняюсь, но... — начал Антипов, однако Кеаль лишь махнул рукой, чтобы тот замолчал.

— Я дам знать Аресу. — Ун-Катор поклонился и вышел. Виктор остался наедине с золотистой фигурой.

— Неважно выглядишь, Ролт, — ухмыльнулся Кеаль, прищуривая глаза. — Неужто не рад? Или встревожен чем? А, беспокоишься за слугу... Бывает. Признаться, твое вранье восхитило даже меня. Вот что значит талант!

Антипов не ожидал, что бог обмана будет прислушиваться ко всяким мелочам. У Кеаля уже были свои последователи, от которых тянулись нити насыщающей силы. Наверняка таких нитей было множество, и уследить за всеми невозможно. В этом любой бог похож на человека: он может концентрировать внимание только на одной вещи в одно и то же время, его личность не способна раздваиваться. Получается, Виктор был самым интересным объектом наблюдения для бога обмана? Кандидат в маги решил тут же воспользоваться привилегированным положением:

— Кеаль, спаси Риксту, — выпалил Виктор. — Иначе барон его прикончит! Он же форменный маньяк! Не Рикста, а барон, конечно.

— Прикончит — и поделом, — отмахнулся бог обмана. — Если человек, не умея врать, влипает в разные истории, то помогать ему не следует. Знаешь, о чем я размышляю, Ролт? Если когда-нибудь люди начнут развиваться, как им положено, то додумаются до интересных вещей. Например, многие будут считать, что в мире лишь сильнейшие и умнейшие животные оставляют потомство, потому что слабейшие погибают, не могут выжить. Из числа этого замечательного потомства тоже отбираются самые сильные и умные. Животные улучшаются, приспособляются, даже появляются новые виды. А человек — ведь тоже животное. Он должен

улучшаться! Гм... к чему я это говорю? А, вспомнил! Рикста ведь еще не успел оставить потомства, Ролт?

Антипов едва сдержался, чтобы не заскрежетать зубами. Его радужное настроение уже полностью улетучилось. Рикста хоть и непутевый малый, но это ведь не повод, чтобы отдавать его на растерзание бессердечному феодалу!

— Кеаль, не все люди обладают хитростью, и это нормально. У Риксты есть дар художника. Может быть, это даже получше той хитрости, которой ты так восхищаешься!

Брови бога обмана медленно поднялись. Полупрозрачная фигура сдвинулась со своего места, поплыла к Виктору и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Весь вид Кеаля выдавал крайнее удивление.

— Ролт, что ты такое говоришь? — спросил он приглушенным голосом. — Я этого не ожидал услышать от тебя. От кого угодно ожидал, но не от тебя. Мы — ты и я — состоим из того, что ты пытаешься принизить. Хитрость — наша жизнь, наше дыхание. И не только наше, она — дыхание этого мира и твоего человечества, о котором ты так беспокоишься. Что? Я вижу скепсис и нетерпение на твоем лице. Ну-ну, не пытайся придать ему почтительное выражение. Ты не понимаешь главного!

Антипов хотел было возразить, что он как раз все понимает, и вновь перевести разговор на Риксту, но Кеаль не собирался останавливаться.

— Позволь, пока у нас есть время, кое-что тебе объяснить. Это всегда пригодится. Ты знаешь, что такое хитрость, Ролт? Нет? Я тогда скажу. Хитрость — это необычный, или даже извращенный, ум. Хитрые люди ищут обходные пути, особенно в ответах на сложные вопросы. Они иначе не могут. Но знаешь ли ты, что такое сложные вопросы? Это то, на что у людей нет ответа. Для чего появился человек, в чем смысл жизни или смерти, что будет потом... Обычные люди бьются над этими вопросами без всякого успеха, а хитрецы, чувствуя, что даже их ум не способен найти ответа, пытаются перехитрить самих себя и перестают об этом думать!

— Перестают думать? — Виктор постарался переключиться с мысли о слуге.

— Да. Перестают, — кивнул Кеаль. — А известно ли тебе,

что происходит, когда человек пытается перестать думать о том, что интересует его? Случается нечто удивительное даже с моей точки зрения. Человек начинает думать об этом подсознательно! Между прочим, это самый успешный способ мышления. Так совершаются гениальные открытия, о которых сознание, к сожалению, ничего не знает. Подсознание настоящего хитреца тоже пронизано извращенной хитростью. Он способен додуматься до такого, что дух захватывает. Может отгадывать тайны настоящих чудес, а иногда даже сам совершать чудеса! Правда, не подозревая об этом. Ты думаешь, что хитрость — безобидная вещь? Ошибаешься. Это — главный ключ к тайнам мироздания.

— И вот еще что, — добавил Кеаль после небольшой паузы, наслаждаясь замешательством собеседника. — Ты никогда не задумывался о том, что путешествие между мирами занимает прочное место в ряду сложных вопросов, загноемых в подсознание? Как считаешь, у кого больше шансов предпринять такое путешествие: у заурядного человека или у заправского хитреца?

Виктор попытался собрать мысли в единое целое. Уж чего-чего, а такой речи он не был готов услышать. Теперь главное — найти аргументы, которые докажут необходимость спасения Риксты.

Но Антипову не позволили подумать. Дверь открылась, и в зал вошел Арес, за которым тенью следовал маг.

Создавалось впечатление, что Арес состоит из плоти и крови. Его торс был обнажен, а бедра прикрыты набедренной повязкой. Могучие мышцы перекачивались при каждом шаге, живо напоминая Виктору мускулы тяжелоатлета. Арес не стал довольствоваться полупрозрачной поделкой, а оживил свою статую.

— Солнце еще не село, а ты уже тут, Ролт... — Голос бога войны звучал как труба. — Как спалось? Не забыл позавтракать?

Прыгающий огонь свечей оттенял каждую впадину могучего тела.

— Я не завтракал, — буркнул Виктор.

— Что же так? — с иронией спросил Арес. — Ты сходи поешь. Мы подождем.

— Нам нужно начинать, — произнес Кеаль. — Сейчас удачный момент. С Ролтом можно объясниться потом.

Арес наклонил голову, соглашаясь. Он остановился у края намалеванного круга, спиной к внешней стене.

— Маг, расскажи Ролту, что нужно делать, — сказал Кеаль.

— Он мне еще вчера все объяснил, — ответил Виктор.

— Маг, расскажи еще раз, — терпеливо повторил бог обмана. — Непонимания быть не должно. А ты, Ролт, встань в центр круга.

Виктор в два шага перешел в центр пентаграммы. Ун-Катор же остался стоять у стены рядом с дверью, словно боясь даже случайно наступить на рисунок.

— Это очень старый ритуал, — произнес маг глухим голосом. — Он используется в тех случаях, когда у бога недостаточно сил для полноценного дара, но хватает для того, чтобы помочь человеку самому создать Длань. В подробностях я рассказывать не буду, но твои мысли, Ролт, должны быть чисты и свободны.

Голос мага стал размеренным и напомнил Виктору интонации старого преподавателя, привыкшего читать студентам лекции с кафедры.

— Существует много разновидностей ритуала, а раньше некоторые ордены магов даже пытались его проводить без участия богов. Например, орден Предчувствия Рассвета очень преуспел в этом, хотя использовал сложный ритуал. В нем учитывалась каждая мелочь, включая предыдущие поступки человека и даже случайные происшествия. Этот орден считал, что ритуал часто меняет причину и следствие местами, что многие события в прошлом были вызваны ритуалом, причем задолго до того, как он был совершен. Это трудно понять...

— Ближе к делу, — сказал Арес. — Времени мало.

— Я знаком с трудами магов ордена Предчувствия Рассвета, — продолжал ун-Катор, — но, учитывая помощь бога, к ним прибегать нет необходимости. Божественная сила может преодолевать многие преграды. Суть сегодняшнего ритуала в том, что Арес подтолкнет твое тело, Ролт, к созданию Длани. Все будет очень просто. Я встану у края круга

напротив Ареса. Ты находишься в центре. Моя Длань попытается нанести некоторый вред твоему телу, сначала давление будет небольшим, а потом посильнее. Но не бойся — Арес не допустит ущерба, а станет направлять твоё тело на верный путь. Ролт, для тебя самое главное — не мешать нам. Не двигаться и стараться даже не думать.

— Я не умею не думать, — ответил Виктор, у которого Рикста не выходил из головы. — Чтобы не думать, нужно либо все знать, либо ничем не интересоваться. Я же ничего не знаю и всем интересуюсь.

— Нельзя думать о чем-то, что касается тебя или знакомых тебе людей, — пояснил ун-Катор, потрогав гладко выбритый подбородок. — Людей лучше вообще не вспоминать. Подумай, например, о деревьях, облаках, реке... попробуй считать, наконец! Это очень серьезно, Ролт. Ритуал — вещь опасная, даже несмотря на помощь бога. И мысли направят твоё тело в ненужную сторону. Не думай о людях — это очень важно.

— Ладно, буду считать, — вздохнул Антипов. — А ритуал быстро закончится?

— Как пойдет, — ответил Кеаль вместо мага. — Теперь все готовы? Нам уже давно пора начать!

Виктор тихо вздохнул и кивнул. Он еще ощущал отголоски утренней радости по поводу превращения в мага, но история с Рикстой просто подавила их, как дождь гасит искры тлеющего костра. Сейчас же к прежним ощущениям примешивалась небольшая тревога. Как пройдет ритуал? Почему ун-Катор столь явственно боялся каких-то «мелочей», невзирая на присутствие богов? Антипов отчего-то воспринимал ритуал как некий кокон, а себя — как гусеницу. Гусеница должна превратиться в куколку, чтобы обрести новые способности и стать бабочкой. Бабочкой Виктору быть хотелось, но оказаться в коконе было немного боязно.

— Начинаем, — прогудел Арес из-за спины. — Маг, приступай!

Ун-Катор отошел наконец от стены и очень медленно, даже осторожно, приблизился к белому кругу. У Виктора от этого защемило сердце — если маг тоже переживает, то что следует делать ему, испытываемому?

Ресстр с Антипова был снят, точнее, утром его никто и не думал надевать. Виктор заметил, как Длань мага (прозрачное серое щупальце, выходящее прямо из груди) раскрылась, размоталась, вытянулась во всю длину, достигая высокого потолка, а потом понеслась в центр круга.

Первое касание получилось почти незаметным. Антипов ощутил словно прикосновение мягкого птичьего пера к ребрам. Но одновременно с этим он почувствовал, как его охватывает сзади множество таких щупалец — целый каркас, состоящий из них! Виктор с трудом подавил желание оглянуться, и даже пуще того: отпрянуть.

«Это Арес, — начал он успокаивать сам себя. — Просто Арес сел за покерный стол. Горе игрокам и шулерам! Но стоп... Мне было сказано не думать. Надо постараться... буду считать. Делить, наверное. Скажем, двести пятнадцать на триста шестьдесят... а что там делает Рикста? Барон уже поговорил с Маресой? Тьфу!.. Получится меньше единицы — это хорошо. А если Риксту прямо сейчас сбрасывают со стены, да еще с утяжелением, как злостного вруна? Двести пятнадцать проще разделить на тридцать шесть и потом еще на десять... а стена замка ведь высока...»

Касание Длани усилилось. Теперь его можно было сравнить с ударом шелковым платком.

— Ты о чем думаешь, Ролт? — вдруг осведомился ун-Катор, отдергивая Длань. — У тебя щека дергается. Неужто больно?

— Нет, не больно, — слегка мотнул головой Виктор. — Думаю о числах. Как разделить две сотни на стену... то есть на три сотни. С небольшим.

— Ролт, я тебя предупреждаю — соберись! — рявкнул старый маг под одобрительный кивок Кеаля. — Сила Ареса сможет выпрямить извилистость ритуала, но не способна ничего сделать с твоими мыслями! Ты понимаешь, что на самом деле не ты думаешь о всякой ерунде, а тебя заставляют думать? О боги! Забудь о том, что я сказал. Не смей думать об этом!

«Я буду думать только о зеленой обезьяне, господин Лао Цзы, — явственно забеспокоился Виктор. — Буду считать, а в промежутке думать о зеленой обезьяне. Честное слово!

Двести пятнадцать мартышек разделить на триста шестьдесят удавов... вопрос: сколько мартышек достанется одному удаву? Они ведь будут голодными. А интересно, какого размера должен быть удав, чтобы съесть Риксту? О черт!»

Маг опять бросил вперед свою Длань. В грудь Виктора словно врезался невидимый цветок размером не больше чайной розы. Антипову показалось, что «каркас» Ареса стал крепче.

— Что-то не получается, — стиснув зубы, произнес ун-Катор. Его морщинистое лицо перекосилось, превратившись в маску с односторонней ухмылкой.

— Сильнее, — сказал Арес. — Добавь силы.

Виктор насторожился, напрягся и с трудом направил свои мысли на вычисления.

«Двести пятнадцать делится на три с остатком... А что он имел в виду, когда сказал, что меня заставляют думать? Зеленая обезьяна! Зеленая обезьяна, где же ты? Ого, что-то давит на грудь. Еще чуть-чуть — и станет трудно дышать. Так... не отвлекаться... получается примерно семьдесят один... Рикста отлично рисует цифры. Буквы тоже. А если руки переломает? Нет, я не о том думаю».

Никогда раньше Антипову попытки не думать о чем-то не казались такой сложной задачей. Он помнил несколько историй — то ли с участием Ходжи Насреддина, то ли самого Лао Цзы, — когда к этим уважаемым людям обращался какой-то бездельник с просьбой выполнить с помощью волшебства его желание. Уважаемые люди соглашались и ставили условие: чтобы в ходе ритуала человек ни разу не подумал об обезьяне. Обезьяна могла быть белой или даже зеленой, но сути это не меняло: о ней невозможно не думать после предупреждения. Человек оказывался сам виновником того, что его желание не сбывалось.

Теперь Виктор гадал, кто будет виновником неудачи, если что-то пойдет не так: он сам или пресловутый ритуал, которому маг по каким-то причинам приписывал злую волю? Ун-Катор не рассказывал всего и, очевидно, делал это с умыслом: чтобы не смущать бедного юношу и не заставлять его любознательный ум думать о совсем уж нежелательных вещах.

Касание Дланью груди напомнило удар прочной доской. Дыхание Антипова враз перехватило, но он даже не покачнулся, настолько крепко держал его Арес. Мысли Виктора панически заметались. Ему казалось, что он уже не в коко-не, а исполняет роль боксерской груши.

«Спокойнее, господин смертник, покусившийся на жену Майка Тэйсона. — Антипов попытался обнадежить сам себя. — Риксте наверняка придется хуже. Хотя, с другой стороны, его ожидает лишь один удар о землю, а меня...»

— Еще сильнее! — закричал Арес.

«...Много», — закончил мысль Виктор.

Длань размахнулась, словно разгоняясь, и нанесла удар, сопоставимый с воздействием кувалды. Так бы сказал Антипов, если бы мог что-то вымолвить: его зубы застучали, а по всему телу пошла вибрация. Боли не было, происходящее напоминало прием у дантиста, когда десна уже заморожена, а зуб тупо ощущает движения бормашины. Сравнение повергло Виктора в ужас.

— Еще! — Арес не унимался. — Бей в полную силу!

«Ну все, приплыли, — успел подумать кандидат в маги. — Сейчас отдам швартовы».

Антипов не напрасно гордился своей догадливостью: он угадал и на этот раз. Длань врезалась в его грудь со смачным хрустом. Каркас дрогнул, но устоял. Вибрация в теле усилилась: теперь казалось, что она захватывает даже пространство вокруг. В глазах Виктора потемнело, а потом, когда темная пелена спала, он с трепетом увидел, как поднимается вверх. Его ноги оторвались от пола, а голова устремилась к потолку.

«Стал ли я все-таки бабочкой?» — Антипов был рад, что чувство юмора не изменяет ему даже в такую минуту.

Однако врезаться в потолок ему не дали. Каркас Ареса внезапно ослаб и Виктор рухнул на спину, не успев подставить ног.

Боги переглянулись. Если бы Антипов мог читать по глазам бессмертных существ, то увидел бы такое, что потом не позволило ему спокойно спать многие месяцы.

— Куда ты сбросил излишек? — спросил Кеаль подозрительно спокойным тоном.

— Вниз, — ответил Арес. Его интонации один в один напоминали интонации бога обмана.

— Вниз? — Кеаль поднял левую бровь и обернулся к лежащему на полу, словно медуза на траве, Виктору и все еще стоящему у круга ун-Катору. — Ролт, маг, бегите! Быстро! Во двор, подальше от замка!

Антипов замешкался — он не только не понимал смысла приказа, но и не мог толком овладеть своим телом. Маг же ждать не стал. Старик тут же повернулся и в один прыжок оказался у двери.

Увы, предупреждение Кеаля запоздало. Не успел ун-Катор схватиться за ручку старческой, но твердой кистью, как замок вздрогнул. Виктор сначала не понял, что это, лишь ощутил спиной толчок, исходящий откуда-то снизу. Зал мигом наполнился резким трескучим шумом. Стены захрустели, свечи начали дрожать, некоторые перевернулись и полетели на пол, странно подпрыгивая, словно каменная кладка играла ими в пинг-понг.

Антипов быстро перевернулся набок, пытаясь подняться и еще не осознавая, что это будет трудно сделать на дрожащем полу. Виктор успел опереться на руку и вдруг увидел, что внешняя стена расходится. Огромная трещина, появившаяся сначала в виде узкой черной змейки, на глазах увеличивалась в размерах. Камни раздвигались со скрежетом, будто каменные тролли, из последних сил цепляющиеся друг за друга. Зал тут же наполнился мелкой белой пылью, но даже сквозь эту мутную завесу Антипов с замиранием сердца разглядел небо. И это — в зале, где не было окон!

Трещина в стене была столь огромной, что несколько камней не удержалось на своих местах и полетело вниз, оставляя после себя острые зубцы в давно застывшем строительном растворе.

Все стихло столь же внезапно, как началось. Виктор даже не успел подняться, прежде чем ощутил, что толчки остановились. Раздавались только треск в стенах да надрывный кашель ун-Катора, наглотавшегося пыли.

Боги находились на своих местах и по-прежнему спокойно смотрели друг на друга. Это были задумчивые взгляды, полные скрытого непонимания.

— А... э... — через силу произнес Виктор, закрывая рукавом рот, — я полагаю, ритуал не очень-то получился? Что-то пошло не так?

Арес бросил на своего жреца быстрый взгляд и вновь повернулся к Кеалю:

— Сколько здесь лун? — спросил он. — Две?

Кеаль медленно покачал головой:

— Да, две. Настоящая и луна-призрак.

Виктор, да и ун-Катор, сосредоточенно слушали разговор. Шум, издаваемый стенами, начал затихать. Судя по поведению богов, опасности уже не было.

— Послушай, Ролт, — внезапно сказал Арес. — Ты чувствуешь что-нибудь необычное?

— Что? — от неожиданности переспросил Антипов.

— Что-нибудь необычное в своем теле, — повторил Арес. В его голосе не было прежнего сарказма.

Виктор внимательно прислушался к ощущениям. Боле-ла спина, ныла нога, грудь еще, казалось, ощущала на себе хватку каркаса и удары Длани.

— Нет, ничего необычного, — ответил Антипов.

— Странно, — сказал Кеаль. — Наверное, потом выяснится.

Несостоявшийся маг почувствовал непреодолимую тягу к прояснению ситуации.

— Так что случилось с ритуалом? — спросил он, подавляя кашель. — И почему две луны? Я видел лишь одну!

В этом мире действительно по ночам выходила одна-единственная луна, крупная и красноватая.

— Ритуал не удался, — высказал очевидное Кеаль. — Ты не следовал указаниям мага? Думал о чем-то постороннем? Хотя можешь не отвечать. То, что случилось, вряд ли получится вызвать мыслями. На ритуал подействовала вторая луна. Ты ей чем-то не приглянулся.

Мысли Виктора, и без того еще неустоявшиеся, пришли в полное расстройство.

— Вторая луна? — пробормотал он. — Что это, Кеаль?

— Мне нужно идти, — сказал Арес. — После такой потери сил не могу поддерживать тело.

Могучая фигура направилась к двери, и вскоре гулкие

шаги вместе со скрежетом раздавливаемых камней, упавших на пол, стихли в глубинах потрепанного замка.

Виктор опять попытался подняться. Ноги вроде бы держали, но не очень прочно — левая болела и подкашивалась.

— Вторая луна — это просто. — Кеаль все-таки соизволил ответить. — Луна-призрак. Типичный призрак, возникший на месте луны, которая давным-давно исчезла. Ты не можешь ее видеть, потому что не вхож в мир духов, а мы, боги, да и демоны тоже, — существа духовные. Эта луна выполняет очень важную роль. Она отвечает и за прошлое и за будущее. Поговаривают, что вторая луна еще вернется. Это все равно что смотреть на портрет без названия: неизвестно, изображен на нем когда-то живший человек или человек придуманный, тот, который рано или поздно может родиться в будущем.

Бог обмана говорил слегка рассеянно, словно одновременно думая о чем-то другом.

— А луна, которую ты видишь каждую ночь, еще проще — она отвечает за настоящее. Понял?

— Почти, — честно признался Виктор. — Но почему я ей не приглянулся?

— Так говорят, когда не могут объяснить поведения луны. Она испортила твой ритуал. У нее есть любимчики, которым она потакает, а есть те, кому с ней не везет. Некоторых она так любит, что дает им даже второй шанс после смерти. Конечно, тела вернуть не может, но дарит мертвецу особые способности. Чего только иногда не встречается! Помню, вторая луна очень любила одну мою родственницу, богиню. Но той это не помогло против демонов. До встречи.

Золотистое тело бога обмана тут же распалось на тысячи светящихся песчинок, большинство из которых погасло, даже не долетев до пола.

Виктор сокрушенно покачал головой и захромал к трещине в стене. Сзади копошился маг. Ун-Катор тоже справился с кашлем и сейчас пытался отряхнуть свою мантию.

— Худший исход ритуала, — проскрипел он. — Да и замку досталось — хорошо, что выстоял.

Через щель в стене двор был виден отлично, и Виктор с трепетом смотрел на полуразрушенную внутреннюю стену

и людей, бегающих вниз. Прямо перед донжоном стоял барон, рядом с ним — Мареса. Ан-Орреант, оживленно жестикулируя, пытался руководить спасательными работами. Некоторые постройки, расположенные рядом с внутренней стеной, тоже рухнули, включая тюрьму. Виктор с облегчением рассмотрел улепетывающую во все лопатки фигурку Риксты. Судя по всему, слуга направлялся к уцелевшему дому Кушаря.

— Интересно, кто-нибудь погиб? — пробормотал Антипов.

— Пойдем со мной, Ролт. — Маг подошел к нему и вновь схватил за рукав. — Нам нужно кое-что проверить. Прямо сейчас!

— Что проверить? — Виктор обернулся.

— Тебя! — с досадой произнес ун-Катор. — Это боги полагаются на грубую силу, а мы, маги, действуем исподволь. Иногда даже кое в чем превосходим бессмертных. Не зря я рассказывал про орден Предчувствия Рассвета, совсем не зря.

— А нельзя ли потом? — спросил Виктор. — Я бы хотел...

— Нельзя! — отрезал маг. — Чем раньше, тем лучше! Идем же!

Антипов почувствовал, что начинает сердиться. Это утро доконало его и пробудило раздражение, обычно не свойственное веселому нраву. С тех самых пор как он оказался в этом мире, у него все время были начальники. Сначала Кушарь, потом Арес, затем десятник, барон, сотник... начальники шли косяком. От некоторых удалось избавиться сразу, от других — чуть позже, но все равно начальники оставались, и даже появлялись новые! Только когда Виктор путешествовал, он избавлялся от опеки и распоряжений. Ему в глубине души даже хотелось поехать на турнир, чтобы не видеть ни Ареса, ни Кеалея, ни барона, а оказаться предоставленным самому себе. Если бы не угроза со стороны Зентела, Виктор вообще мог бы попытаться сбежать. А что? Жениться на графине (если получится), показать барону кукиш (точно получится) и поучиться управлять графством (понятно, что сразу ничего не выйдет, но попытка — не пытка). Даже если, несмотря на Зентела, просто жениться

на графине, то из начальников можно сделать союзников (план был именно таков). Ну ладно, с Аресом, Кеалем и бароном Виктор временно смирился, но маг-то, маг! Теперь и он выдвинул свою кандидатуру на должность руководителя Ролта. Виктор счел, что это слишком.

— Мне надо вниз! — ответил он в тон магу. — Сначала я узнаю, кто погиб и кто ранен. А потом, если останется время, подумаю о дальнейших экспериментах над собой. И еще не известно, до чего додумаюсь!

Антипову хотелось узнать, что означает загадочная луна-призрак, но он был зол и решил спросить это потом у Ареса. Виктор рванул свой рукав и решительно зашагал к двери прямо через завесу пыли.

— Постой, Ролт! — крикнул вдогонку маг. — Вернись! Это нужно тебе! Ты можешь перестать видеть людей!

Виктор уже почти успел выйти из зала да и замер так, в дверном проеме.

— Что? — спросил он. — Кого я перестану видеть?

— Людей, — объяснил маг, подходя к нему. — Не всех, конечно, а некоторых. Обычно — молодых. Тех, которые родились не так давно. Лет пятнадцать — двадцать назад. Они для тебя перестанут существовать.

— Как это? — Антипов вмиг позабыл о своей злости. — Мне ни Кеаль, ни Арес ничего не говорили.

— Они предупреждали об опасности, но точно ничего не знают. — Ун-Катор старался говорить быстро, чтобы удерживать внимание собеседника. — Куда им! Ты бы поинтересовался, сколько у них было провалов ритуала. Хорошо, если один-два, а скорее всего — ни одного. Они же боги! Привыкли полагаться на свою силу, а тут дело тонкое, Ролт. Я ведь состоял в ордена Предчувствия Рассвета, точнее, в том, что от него осталось. Мне-то известно, как важны мелочи! Сходный случай был уже описан. Казалось, все благоприятствует: никаких происшествий накануне, испытываемый чист сердцем и мыслями, полгода провел в медитации, ничего больше не делал, все переложил на слуг — и вдруг провал! Да еще какой — со взрывом. Дом сложился, будто был из соломы, два мага погибли: не справились с излишком сил. Выяснилось, что испытываемый накануне получил

письмо из дома о том, что семья разорена. А ведь ничто не предвещало разорения! В ходе ритуала испытуемый был слегка ранен и сначала чувствовал себя хорошо, а потом началось...

— Что началось? — с тревогой спросил Виктор.

— А ты как думаешь? Перестал видеть детей, потом — подростков, включая своего младшего брата. Затем вроде бы все остановилось на этом, но через год резко ухудшилось. Он стал проходить сквозь детей, Ролт. Представляешь? А в конце вообще остался один... этого лучше не рассказывать. Правда, тогда вторая луна была растущей, а сейчас — стареющая. С тобой может быть еще хуже.

— Почему хуже? — Беспокойство мага не просто передалось Антипову, а многократно усилилось.

— Только боги могли решиться на ритуал при стареющей луне, — тихо произнес ун-Катор, наклоняясь к собеседнику. — И только нечто жуткое могло им помешать.

ГЛАВА 3

Виктор с магом начали спускаться по лестнице, то и дело уступая дорогу суетящимся людям. Это были подручные лекаря замка господина Паспеса. Они несли какие-то кувшины, дурнопахнущие бутылки, дощечки для фиксации рук и ног — господин Паспес оказался на высоте и сделал солидные запасы на случай любого происшествия.

— Я тоже помогу раненым, но потом. — Маг отчего-то счел своим долгом пояснить это, обернувшись к Виктору. — Сейчас главное — разобраться с тобой. Это важнее.

Вскоре Антипов оказался в одной из комнат замка, где раньше никогда не бывал. Комната была заставлена стеллажами с книгами, а на единственной свободной от шкафов стене были нарисованы ярко-желтые короткие вертикальные линии, живо напомнившие Виктору какую-то шкалу.

— Становись сюда, Ролт. — Маг показал на один из желтых кругов на полу. — Это разметка Укерия. Я нанес ее вчера. Когда новый маг обретает Длань, разметка используется, чтобы понять, насколько Длань сильна: как она отклоня-

ется при прохождении через предметы. Но у тебя Длани нет, и предметом будешь ты.

Виктор нахмурился, но выполнил просьбу, встав на желтый круг перед стеной.

— Я знаю, что моя Длань почти не отклоняется при прохождении через... нормальных людей, — продолжал ун-Катор, отходя подалее от собеседника и становясь на второй желтый круг. — Если ты изменился, то линии Укериа подскажут нам, сильно ли изменился. У того человека, о котором я рассказывал, отклонение было очень большим, особенно сразу после ритуала. Не беспокойся ни о чем, это безопасно.

Наш герой молчал. Он давно перестал опасаться мага, несмотря на необычные способности последнего. Виктору было жаль, что ритуал не достиг цели, и еще больше жаль, что все закончилось неприятностями.

— Может быть, ты не знаешь, что такое Длань мага, — сказал ун-Катор, безрезультатно пытаясь очистить полы мантии от белой пыли. — Я объясню. Длань существует одновременно в двух мирах: в реальном и в мире духов. Маги — те из немногих избранных, кто может заглядывать в мир духов. Раньше могучие маги несли угрозу самым сильным демонам, а некоторые — даже богам.

Антипов обо всем этом знал, Кеаль преподавал ему краткий курс истории. В прежние времена маги и герои порядком чудили. Особенно герои — полукровки и убийцы богов. Но эпоха могущественных смертных быстро сошла на нет, когда маги приняли себя за соль земли и восстали против обычных людей и их наследственной власти. Многочисленные ордены, сговорившись между собой, попытались одновременно подмять несколько королевств. Войска поддерживали своих владык, хотя трехрукие маги устроили безжалостное побоище. Неизвестно, чем бы все закончилось и как бы выглядел мир сейчас, преуспей ордены в своем начинании. Однако за королей вступились боги. Магические ордены были разгромлены и потеряли прежнее влияние. Но ни боги, ни земные владыки не пошли до конца и не стали запрещать орденов, ограничившись лишь наказанием самых

рьяных заговорщиков. Богов можно понять: чем больше в мире магов, тем сильнее сами боги.

Многих магов уже не устраивало равновесие. Они помнили месяцы безраздельной власти, вкусили яда самоуправления и коллегиальных решений. Тогда каждый маг чувствовал себя значительной персоной, а не винтиком, выполняющим желания феодала с вырождающейся родословной. Их Длани требовали власти! Ордены восстали опять, но сделали это с умом. Они выступили против обычных людей, а против богов выставили призванных демонов. О том, что было дальше, Кеаль рассказывал путано. Нападение получилось внезапным, а демоны были настолько сильны, что одержали верх. Закончив битвы в мире духов, демоны тут же обратили свое внимание на мир предметов. И вместо того чтобы помочь союзникам-магам, демоны повторили ход богов, выступив на стороне обычных людей. Это был триумф предательства. Разгром орденов на этот раз достиг своего логического конца. Все сильные маги были истреблены, а союзы магов запрещены. Жалкие остатки некоторых орденов до сих пор теплились на подпольном положении. Вероятно, ун-Катор тоже был «подпольщиком», пока ему не пришлось бежать в захолустное баронство, спасаясь от гнева столичных властей.

— Ты готов, Ролт? — спросил маг. — Постарайся не двигаться. Если тебе интересно, можешь повернуться спиной ко мне, чтобы видеть, как отклоняется Длань.

Виктору было интересно, и он повернулся.

— Смотри внимательно, — сказал ун-Катор. — Когда Длань пройдет через тебя и окажется в центре разметки Укерия, то все в порядке. Если сдвинется на одно-два деления — тоже ничего. На три-четыре — плохо. На пять-шесть — очень плохо. А если больше, то кошмарно. Отклонения Длани означают, насколько мир духов изменил человека.

— Понятно, — сказал Антипов. — Я готов.

— Сейчас начну, — произнес маг. — Сейчас... сосредоточиться нужно.

Виктор терпеливо ждал. Ему было любопытно, во что он влип на этот раз. Его чувства стали остры, как случается

всегда, когда человек ждет чего-то важного, что произойдет с минуты на минуту и изменит жизнь. Однако секунды шли, а ничего не происходило. Антипов с трудом удержался от того, чтобы не оглянуться. Он простоял так, должно быть, пару минут и, наверное, стоял бы еще столько же, как вдруг услышал за спиной шум. Виктор обернулся моментально. И первое же, что увидел, был, конечно, маг.

Ун-Катор сошел со своего желтого круга, вытащил колченогий стул из-под небольшого стола и теперь сидел, задышав. По его лбу струился пот.

— Что случилось? — спросил Виктор, подходя ближе. — Вам плохо?

Маг слабо взмахнул рукой, словно силясь что-то сказать.

— Я сейчас, — произнес Антипов, устремляясь к дверям. — Позову Паспеса или вашего ученика.

Но дрожащий голос ун-Катора остановил его:

— Что... о чем ты думал, Ролт, во время ритуала?

— Да о Риксте в основном, — с недоумением ответил Виктор. — Рикста-то был в тюрьме. Барон грозился его убить! Но что случилось-то? Почему вы не провели... э... эксперимента?

— Я провел, — едва слышно произнес маг.

— Провели? — изумился Антипов. — Как это? Никакой Длани я не видел. Ничто на стену не попадало.

— Ты не мог видеть, — выдохнул ун-Катор, вытирая пот, который заливал глаза. — Длань из тебя не выходила.

— Что?

— Послушай, Ролт, я пока не могу этого объяснить... — Маг попытался приподняться, опираясь на хлипкую спинку стула. — Никогда такого прежде не было. Длань вошла в тебя, не встретила никакой преграды, но не выходила, понимаешь? У меня было чувство, что я исследую темный чердак. Даже не чердак, а нечто большее, почти бесконечное, без окон и стен. Бедный Ролт.

Через несколько дней Виктор, несмотря на сочувствие мага и отсутствие всяких объяснений у богов, был все-таки выставлен за ворота замка. Наш герой с некоторым опозданием направлялся на турнир, хотя по пути должен был зае-

хоть еще в одно место. Ему дали хорошего коня, слугу (который, судя по тону барона, был явно хуже, чем конь) и двух телохранителей из числа старой гвардии. После землетрясения барона удалось убедить в невинных намерениях Риксты, и слуга был прощен.

Виктор отбыл на рассвете, провожаемый отцом Ролта, семьями телохранителей и, конечно, знакомыми деревьями, которые усердно махали ему вслед желтоватыми листьями, словно девушки — платками. Вскоре за спиной остались лишь серые фигурки домочадцев. Антипов отчего-то хорошо запомнил этот отъезд: начало осени, холодные стены замка и кучка озябших людей, стоящих у обитых железом ворот.

До замка графини Ласаны было три с половиной дня пути. На четвертый день Виктор должен был сделать крюк и захватить в небольшой городок, в котором жил старый приятель (и, вероятно, соратник) ун-Катора.

Первые двое суток поездки не были особенно интересными. Разве что Рикста случайно поломал варсету — местный аналог мандолины, любимый инструмент запасливого Виктора. Но третья ночь, которую путники собирались провести рядом с руинами заброшенного замка, ознаменовалась удивительным происшествием. Начнем с того, что Виктор, прибывший вечером к придорожному трактиру с видом заправского путешественника, сразу заподозрил неладное. Весь двор этого трактира был заполнен людьми и повозками. Слуги и воины сновали туда-сюда, даже спесивые дворяне с выражением муки на лице пробивались сквозь разношерстную толпу, чтобы перейти от одного строения к другому.

Антипов, терзаемый дурными предчувствиями, быстро нашел трактирщика, чтобы услышать банальную вещь: «Извините, ваша милость, но мест нет».

— Как нет? — Виктор задал вопрос самым грозным тоном. — Ты предлагаешь мне, сыну барона, спать в чистом поле?

Скажем в скобках, что наш герой действительно стал баронским сыном по праву усыновления его Алькертом

ан-Орреантом (барон не мог выставить на турнир от замка неизвестно кого и официально стал Ролту вторым отцом).

— Увы, ваша милость, — развел руками толстый трактирщик, показывая всем своим видом, что его можно бить или даже резать, но комнаты от этого не появятся. — Все спешат на турнир. Я освободил даже часть подвала для господ. Больше в мою гостиницу не поместится никто.

Трактирщик выговаривал слово «гостиница» с таким удовольствием, словно представлял себе, как скособоченное двухэтажное деревянное строение превращается в роскошный каменный дом.

— Накормить я еще смогу, — продолжал он, — но свободных комнат нет. Единственное, что могу предложить, — это соломенные матрасы. Видите развалины замка, господин? Некоторые коридоры сохранились там в целости и сохранности. Если положить туда матрас, то, клянусь, удастся отлично выспаться на свежем воздухе и под крышей! Всего одна серебряная монета — и матрас ваш! Если вы со спутниками, то дам скидку: три матраса за две монеты!

У трактирщика были явно преувеличенные представления о стоимости мешковины, набитой соломой, но Виктор не стал торговаться. В его хитроумной голове начали рождаться планы по обретению комнаты. Эти планы отличались размахом: от азартных игр с каким-нибудь счастливымчиком, где ставкой будет спальное место, до спора, кто лучше владеет оружием (с той же ставкой), или даже веселых подметных писем, предписывающих кому-то из жильцов немедленно предпринять поездку к отцу или какому-нибудь могущественному вельможе. Но Антипов умерил свой пыл: до замка графини оставался день пути, время демонстрировать свои способности еще не пришло.

Виктор напомнил себе, что он — воин, который должен не обращать внимания на лишения (если бы лишений не было, то не обращать на них внимания получилось бы еще лучше) и... согласился на матрасы. Рикста и два воина: пожилой Пестер с перспективным лоботрясом Нарпом перетасили постели в заброшенный замок.

Это были старые, покрытые плесенью руины. Полузасыпанный ров, заросший травой, обвалившаяся крепостная

стена, частично разобранный немногочисленными местными жителями, и сам замок с рухнувшими залами, но сохранившимися коридорами. На второй этаж никто бы уже не рискнул подняться, но на первом, еще крепком, обосновались несколько путешественников, подобных Виктору, с точно такими же матрасами.

Рикста сбежал в трактир и принес кувшин цирота — вязкого напитка, который по вкусу напоминал Виктору нечто среднее между кофе и какао. Цирот готовился из крупных белых зерен, стоил относительно дорого и был по карману лишь дворянам, торговцам и жрецам. Почти у каждой дворянской семьи был секрет приготовления собственного цирота — его готовили мужчины. Барон ан-Орреант пытался лично научить Ролта фамильной кулинарной традиции, но не преуспел: Антипов оказался на редкость бездарным поваром.

Этот самый цирот из трактира сыграл очень важную роль во всем дальнейшем повествовании, ибо побудил Виктора отлучиться по неотложному делу к стене, подальше от сохранившихся коридоров. Будущий участник турнира успешно выполнил свой долг и, уже возвращаясь, неожиданно заметил дверь.

Дверь была деревянной, зеленоватой и вела, казалось, прямо в толстую разрушенную стену. Виктор не стал бы уделять находке особого внимания, но, проходя мимо, услышал шум. То ли там кто-то разговаривал, то ли даже кричал, но шум не был похож на вой ветра, писк мышей или что там еще бывает в заброшенных помещениях.

Антипов подошел поближе, прислушался и сумел побороть свое любопытство. Уже почти совсем стемнело: заходить в какую-то дверь без огня — верх безрассудства. Новоиспеченный сын барона вернулся к товарищам, выслал к двери Нарпа и Пестера с факелами, а сам выпил еще цирота. Затем повесил на руку щит и поспешил к стене, оставив Риксту сторожить лошадей.

К удивлению Виктора, телохранители искали дверь совсем не там, где он им сказал.

— Дверь же справа, — произнес Антипов, приближаясь к товарищам. — Во-он где выступ.